

Яна
Юматова

Я тебя
ПОМНЮ

Яна Юматова

Я тебя помню

<https://litres.ru/74433212>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шесть лет назад погибают мой любимый мужчина и наша новорожденная дочь.

Теперь я живу в горном поселке, работаю в пекарне и каждую ночь засыпаю с болью в груди.

Но однажды в мой дом попадает сбежавшая от родителей девочка и представляется именем, которым я хотела назвать дочь.

Тогда я даже не представляла себе к чему этот побег приведет...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	39
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Яна Юматова

Я тебя помню

Глава 1

— Куда так рано, дочка? Шести еще нет! – удивляется Саният.

— Пекарню помою, проветрю, ана. Все равно не спится, – набрасываю вязаную кофту из овечьей шерсти и прикрываю за собой дверь.

Слышу, как пожилая женщина тихо причитает вслед, и легонько улыбаюсь. Я знаю, что она бормочет, за шесть лет выучила все варианты наизусть: от “бедная девочка” до “пусть шайтан того идиота заберет”.

Поселок наш небольшой – от дома, где меня приютила тетя Саният, до пекарни, где работаю, всего пятнадцать минут пешком. Солнце только начинает вставать из-за гор, и в тени меньше десяти градусов с утра.

— Доброе утро, Марийка! Снова не спишь? – приветствует меня Рашид - пожилой мужчина, который ведет под узцы своего коня.

— И вам доброе! Да чего спать, время терять? – улыбаюсь я и ласково провожу рукой по влажному носу коня. — Джи-

гит, ты сегодня опять детишек катать будешь?

— Конечно! А что ему еще делать на старости лет? Одна у нас с ним радость – дети! А эти разбойники только и ждут момента, как его гриву ему запутать, – сетует Рашид, но в его глазах я вижу доброту и радость от предвкушения очередного дня в туристическом месте.

В пекарне уже всюду трудится Айшат. Печка давно растоплена, а в ней уже поджаривается третья или четвертая партия лепешек.

— Марийка, ты чего опять так рано пришла? Так скоро замертво здесь свалишься! Я что с тобой буду делать, а? – всплескивает руками дородная женщина, а потом утирает пот со лба белоснежным полотенцем.

— Я крепкая, ты ж знаешь, – улыбаюсь я, а про себя думаю, что вовсе не прочь просто уснуть навечно и больше не чувствовать постоянную боль, которая поселилась в моей груди шесть лет назад.

— И откуда в тебе столько выносливости? Сама худая, как щепка, а бочки с тестом таскаешь не хуже Азамата, – Айшат каждый раз удивленно качает головой, когда говорит это.

— Проклятье, наверное, – хмыкаю я, снимая кофту и вешая ее на крючок.

— Ай, береги язык, чтоб не коснулось! – осаживает Айшат и возвращается в огромной кадке с тестом.

А я начинаю до блеска намыwać большое окно в пекарне, а потом натирать витрины. Через час потянутся местные жи-

тели за свежими лепешками и хлебом, а ближе к одиннадцати большей частью покупателей будут туристы, приехавшие насладиться красотой гор. И вот они не оставят к концу дня ни одного хычина на прилавке.

— Къалайса, Марийка? – привычно приветствуют меня в пекарне посетители. Почему-то здесь меня называют не Маша и не Мария, как в паспорте. Когда я только приехала, мамина соседка назвала меня Марьям, а потом мое имя как-то трансформировалось в Марийку. Так и прижилось.

— Игиме. Сколько лепешек вам? – так же привычно отвечаю я всем.

К концу дня я буду еле ноги волочить, а потом еще помогать загонять овец тети Саният. Но зато отрублюсь, едва моя голова коснется подушки. И для меня наступят пять часов спасительной черноты, в которой у меня хоть немного притупится боль в груди.

— Сколько стоит эта лепешка? – тоненький незнакомый голосок пререзает жаркий воздух в пекарне. Перед витриной стоит девочка лет шести или семи и внимательно рассматривает оставшиеся несколько хычинов.

— Сто рублей, – отвечаю я, уставившись на голубоглазое создание с двумя русыми косичками.

— Это одна вот такая бумажка? – она протягивает мне

сторублевую купюру.

— Да.

— Тогда мне две лепешки, пожалуйста, – девочка вытаскивает из кармана джинсовой куртки вторую бумажку и деловито разглаживает ее.

— С сыром или с мясом?

— А какая вкуснее?

— Не знаю... Обе, – почему-то теряюсь я.

— Тогда одну такую, а другую - другую, – кивает она.

Заворачиваю два хычина в бумажные пакеты и протягиваю ей. В голову приходят незваные мысли: ей шесть, она скоро в школу пойдет. Как и моя девочка могла бы... И кошечки у нее точно были бы такого цвета... Я бы точно так же их заплетала...

Ладони вмиг становятся влажными, а в груди начинает сжиматься раскаленный обруч шипами внутрь. Я уже знаю, как будет: сначала этот обруч уменьшится до размера кольца, которое окружит мое сердце, а потом сожмется удавкой, пока острые шипы не начнут вгрызаться в плоть, разрывая ее на ошметки и заставляя меня не дышать от этой боли.

Наверное, я меняюсь в лице, потому что голубые глаза девочки расширяются от страха.

— Вам плохо, тетечка? – спрашивает она.

А я не могу ответить, не могу пошевелиться.

— Есть кто-нибудь здесь? – громче спрашивает она. Но я

знаю, что Айшат сейчас во дворе моет шлангом посудины от теста и начинок, она не услышит.

Девочка вдруг берет мою руку своей маленькой ручкой и сжимает через прилавок.

— Все хорошо будет. Все будет хорошо, — говорит она испуганно и сильнее обхватывает маленькими теплыми пальчиками мою ледяную руку.

Не знаю, почему и как, но этот жест и ее испуганное личико действуют на меня. Обруч не успевает достать до сердца и замирает. Чувствую, как от виска вдоль щеки катится пот. Высвобождаю свою руку и отрываю бумажное полотенце, вытираю лицо.

— Вам уже лучше? — уточняет моя маленькая спасительница.

— Да, спасибо, — слабо улыбаюсь я. — Держи, твои хычины.

— Спасибо. А вот деньги, — она кладет две бумажки на прилавок.

— Не надо, это подарок. Твои родители в машине?

— Эээ... Да, — с заминкой отвечает девчушка и торопливо забирает пакет. — До свидания и хорошего дня.

Мне бы надо выйти за ней и посмотреть, в какую машину она сядет, но я стою, как приклеенная к полу.

Воспоминания, которые я годами заталкивала поглубже, вдруг начинают выбираться наружу. И я рискую с ним не справиться...

Глава 2

Каждый мой день похож на предыдущий, и я рада этому. Лучше жить в дне сурка, чем вспоминать тот страшный вечер шесть лет назад: проклятия Стеллы Юрьевны, расстроенное лицо Ромы и жуткий скрежет металла и звук бьющегося стекла.

Но хуже всего была тишина в ответ на мой вопрос: “Что с ребенком?” Эта тишина убила меня вместе с моими любимыми. Ни Рома, ни наша дочка, которую доставали из меня, пока я была в отключке, не выжили в аварии.

Зачем бог меня оставил живой, не пойму. Я потеряла много крови, мои органы собирали по частям, я пробыла в коме больше месяца. И все равно выжила.

Только врачи зря боролись. После аварии от меня будто осталась только оболочка, которая зачем-то продолжает жить.

— Къалайса, Марийка?

— Игиме. Сколько лепешек вам?..

Обычный день со своей рутиной действует на меня как медитация и способ забыться.

— Можно мне лепешку с мясом? – вгрызается в мой мозг звонкий детский голосок. Знакомые голубые глазки смотрят на меня с интересом и какой-то задумчивостью.

— Понравились вчера хычины? – спрашиваю, с улыбкой протягивая маленькой покупательнице лепешку.

— Очень, – кивает девчушка и протягивает сторублевку.

— Не надо, это угощение, – отмахиваюсь я.

Девочка кусает хычин прямо в пекарне и показывает мне знак “класс”.

— Ощень вкусно, – говорит она с полным ртом.

— Марийка, я пораньше уйду, закроешь здесь все? – заглядывает Айшат, стряхивая воду с рук за порогом.

— Иди, все закрою, не беспокойся, – обещаю я.

Айшат уходит, бросив заинтересованный взгляд на девочку.

— Закрывать надо? Я тогда пойду, – девочка идет к выходу, дожевывая хычин, но на пороге оборачивается. – Спасибо.

— На здоровье, – киваю я. А в груди разливается тоска от того, что она уходит.

Дверь закрывается, и снова приходит запоздалая мысль, что надо было посмотреть, с кем девочка.

Но когда выглядываю на улицу, там уже никого нет.

Распродаю последние лепешки, подметаю полы, закрываю пекарню и бреду домой. Почему-то не могу не думать о голубоглазой девчонке. Хотя в это время года обычно полно туристов к нам заходят, и среди них немало детей, но именно эта девочка не выходит у меня из головы.

Решаю сделать крюк, чтобы подольше идти до дома Санит. Спускаюсь к речке. Горный поток бурлит и шумит, заглушая мои собственные мысли. Останавливаюсь и просто глазею на воду. Обычно меня это успокаивает. И сегодняшний сеанс “рекотерапии” тоже оказывается успешным.

Когда пульс выравнивается, поворачиваю назад, и краем глаза замечаю движение чего-то голубого у деревьев.

Сердце вмиг ускоряет ход, а ноги сами несут в ту сторону.
— Ты чего здесь одна? – спрашиваю девочку в джинсовой куртке, которая сейчас прячется за деревом. – Выходи, не бойся меня.

— А я и не боюсь, – девочка выходит и пугливым зверьком на меня смотрит.

— Что ты здесь делаешь одна?

— Гуляю.

— В горах и в лесу нельзя одной гулять.

— Ну ты ведь тоже одна, – девочка выразительно смотрит на меня и разводит руками.

— Я здесь живу и все знаю.

— Я тоже теперь здесь живу! – упрямится она.

— Как это? – я теряюсь от этой информации. – Из дома сбежала? Тебя ищут родители! С ума сходят!

— Никто меня не ищет, – девочка, насупившись, смотрит вниз на свои кроссовки.

В голове проносятся с десяток различных причин и сце-

нариев, как ребенок здесь оказался и почему, но я не даю воображению разгуляться.

— Пойдем со мной. В лесу я тебя не оставлю, а у меня дома расскажешь, что случилось. Идет?

Девочка задумчиво меня разглядывает с минуту, а потом кивает:

— Идет.

Беру ее за маленькую ручку и веду за собой по тропинке. Не хочу выходить на центральную дорогу, лучше вдоль речки и через огород в дом зайдем. Я не знаю, что случилось. Нужно сначала разобраться, что да как.

— О, ты с гостями, Марийка? – Саният встречает нас во дворе с хворостиной, которой собирает овец в загон.

— Да, ана. Побудет у нас сегодня. А утро вечера мудренее, – отвечаю ей и завожу девочку в дом, слыша, как Саният снова под нос себе причитает.

— Она - колдунья? – шепотом спрашивает девочка.

— Нет, она хорошая, добрая, – улыбаюсь я. — Ты голодная?

— Очень. Аппетит разгуляла в лесу! – кивает маленькая гостья. — Меня Маша зовут, кстати.

“Хочу, чтобы дочку звали Машей, как тебя”, – мгновенно всплывает в памяти голос Ромы.

Я слышу его так явственно, что перехватывает дыхание, а в груди снова начинает тянуть.

Хватаюсь за стену, чтобы не упасть, и стараюсь дышать.

— Тебе опять плохо? — детский голосок снизу для меня как спасательный круг, за который я цепляюсь, чтобы не сгинуть в пучине воспоминаний. — Все будет хорошо. Все будет хорошо...

Девочка обнимает за талию и прислоняется лбом к моему животу.

Жутко хочется разреветься в голос. Так, чтобы наконец выплеснуть из себя всю эту боль. Но я давлю в себе порыв и просто дышу, задерживая дыхание на выдохе.

Через несколько минут горло уже не сдавливают погашенные крики, а в легкие поступает достаточно воздуха.

— Что ты любишь есть, Машенька? — еле слышно спрашиваю я и отодвигаю ребенка от себя.

— Все люблю, — пожимает она худенькими плечиками. — Яичницу, омлет, сосиски, хлеб с маслом...

— Блинчики с мясом?

— О, да! Обожаю! — Маша тихонько хлопает в ладошки и с широкой улыбкой кивает.

— Вот там мой руки и садись за стол, — показываю девочке комнату с умывальником и тазиком и снимаю с крючка на стене полотенце.

На кухне она садится за стол и с интересом разглядыва-

вает помещение. Она явно никогда раньше не видела такого. У Саният нет полок или шкафчиков, вся утварь висит на стенах на крючках: сковородки, ковшики, неглубокие кастрюли, половники, ложки и прочая мелочевка.

— Все видно, не надо рыскать по шкафам в поисках нужной сковородки, – всегда говорит Саният. И в ее словах есть смысл: действительно, все всегда на виду.

Разогреваю блинчики, которые пекла утром, режу овечий сыр, лепешку, мою огурцы и помидоры с огорода, который мы с Саният сами обрабатываем, завариваю чай с листьями малины и смородины и зову женщину, которая стала родной не по крови, а по жизни.

Мы едим молча. Если бы кто-то заглянул в окно нашей кухни, то подумал бы, какая странная женская компания собралась : пожила кавказская женщина в темном платке, маленькая девочка с косичками и худая светловолосая девушка, больше похожая на призрак.

— Надо Зауру сказать про ребенка, вдруг ищут, – Саният кивает на девочку.

— Скажу, ана, завтра скажу, – обещаю я.

— Охо. Иду спать, – Саният усталой походкой бредет в свою комнату.

— Она точно не колдунья? – тихонько спрашивает Маша.

— Точно. Она просто устала и давно не видела детей у

себя дома, – улыбаюсь и ласково глажу девочку по волосам.

— А я тебя помню, тётъ. Ты на мою маму похожа... –
вдруг говорит Маша, и тарелка из моих рук летит на пол.

Глава 3

Резкий звук бьющейся посуды одновременно и приводит меня в чувство, и заставляет унести в прошлое, заново переживая страшную аварию.

— Теть, это всего лишь тарелка. Ерунда, – тонкий голосок и теплая ручка, тронувшая за ледяные пальцы, окончательно фиксируют меня в настоящем.

— Да, ерунда, – выдавливаю из себя улыбку, заметив в голубых глазках страх. – Все хорошо, Машенька.

Собираю осколки и выбрасываю их.

— Маша, расскажи мне, где твои родители, и почему ты здесь одна?

Я сажусь за стол напротив девочки. Она начинает водить пальчиком по скатерти, выписывая только ей известные вензеля.

— Я из гостиницы сбежала, – бурчит она, потупив глаза. — Все равно никто не заметит...

— Родители с ума, наверное, сходят. Нельзя так поступать!

— Никто не сходит. Папа на работе торчит, а меня сюда с Юлькой отправил. Юлька – это невеста папина, – поясняет девочка и корчит рожицу. – Она меня не любит. Сбагрила в детский клуб, а сама в спа своих торчит.

— Машенька, все равно нельзя сбегать. Полиция уже наверняка тебя ищет, — глядя на понурую девочку, которая вот-вот зашмыгает носом, у меня сердце разрывается от жалости.

— Поэтому в лесу и спряталась. Чтоб не нашли.

— А мама твоя где? — задаю вопрос и осекаюсь. Вдруг это больная тема?

— Мамочка моя на небесах, — Маша поднимает лицо к потолку. — Родила меня и отправилась на облачка пушистые. Я ее вижу только во сне...

Не знаю, что сказать. Подхожу и обнимаю хрупкое тельце, пытаюсь не рыдаться.

Я даже лица своей девочки не видела. Маша — ребенок, не знавший тепла материнских рук и ласки...

— Пойдем спать, — предлагаю я сдавленным от сдерживаемых рыданий голосом. — Утро вечера мудренее...

Помогаю Маше умыться и укладываю ее на раскладном кресле-кровати в моей комнате.

— А у тебя здесь монстры не водятся под кроватью? — с опаской спрашивает Маша.

— Нет, здесь никого нет. Не бойся, — сажусь рядом с ней и расплетаю ее косички.

Волосы у девочки такие мягкие и шелковистые. Вожу пальцами, распутывая непослушные прядки, и не замечаю, что щеки становятся мокрыми от слез.

Сколько раз во сне я вот так же гладила свою дочку.

Сколько раз просыпалась с мокрой подушкой и зияющей раной в сердце...

— Спокойной ночи, мамочка, — тихо шепчет Маша, а я замираю от того, что ее слова режут по живому. — Надеюсь, тебе сегодня было весело на облачке, и ты не замерзла, — продолжает она, и я понимаю, что это — ее ритуал перед сном.

— Ты похожа на мою маму, тетя... — сонно добавляет девочка.

Молчу и продолжаю гладить малышку, сдерживая рыдания, пока ее дыхание не становится ровным и глубоким.

Ночью не могу уснуть. Я бы с удовольствием оставила Машу у себя, но ведь она — чужой ребенок, и ее ищут. В этом я уверена. Завтра нужно пойти к участковому и рассказать про Машу. Или сразу отвезти в гостиницу, к невесте ее отца.

Нет, лучше связаться с отцом и вызвать его сюда!

Его невеста плохо обращается с ребенком, нельзя допускать такого! Он должен знать, что о его дочери не заботятся! Это, в конце концов, опасно!

Да, это решение верное! Завтра с утра узнаю у Маши фамилию и разыщу через Заура ее отца. Отпущу девочку, когда буду уверена в ее безопасности!

Без сна ворочаюсь до рассвета, а с первыми лучами солнца иду на кухню, чтобы приготовить завтрак для маленькой гостьи.

— Вкуснотень! — хвалит Маша, уплетая кашу с ягодами.

Земляника в этом году рано пошла. У Санянт за огородом несколько кустиков растут, и я с утра собрала небольшую миску.

— Хочу такой завтрак каждый день! — заявляет девчушка, когда я ставлю перед ней тарелку с румяными сырниками.

— Такой завтрак заслужить надо, — хмыкает Санянт. — Работать хорошо, старших слушать и уважать.

— Я могу работать, — кивает Маша. — Посуду мыть... Салат делать. Крупу разную разделять друг от друга...

— Вот и поможешь Марийке, — на лице Санянт проскальзывает непонятное выражение, когда она переводит взгляд с Маши на меня. — В пекарню идешь сегодня?

— Да, предупредила Айшат, что задержусь. К Зауру зайду.

— Вот это правильно, — одобрительно кивает Санянт. — Пойду к Зареме, отнесу молоко и сыр.

— А где это — кзауру? — с опаской спрашивает Маша. — Далеко?

— К Зауру, — с улыбкой объясняю я. — Заур — имя одного дяди, к которому нужно сходить.

— А он не злой?

— Нет, он хороший. Всем помогает. Маша, как твоя фамилия? Знаешь?

— Конечно. Чернова Мария я.

Снова слова девочки режут по сердцу. Чернова Мария – так должно было значиться в моем паспорте после нашей с Ромой свадьбы. Но свадьбы не случилось, и я осталась Шевцовой...

Кажется, сама жизнь решила снова расковырять всё, что я шесть лет пыталась похоронить внутри, послав мне эту девочку.

— Теть, ты чего? – Маша снова на меня смотрит с тревогой.

— Все хорошо, Машенька. А папу твоего как зовут? – сама не замечая, как в ожидании ответа хватаюсь за спинку стула и впиваюсь пальцами в деревяшку.

— Роман Викторович Чернов, – каждое слово, произнесенное детским голосом ставит огненное клеймо на легких. Перед глазами крутятся звезды, могильный холод обдает тело, заставляя его задеревенеть, а в голове только одна мысль: “Этого не может быть!”

Глава 4

Мне приходится несколько раз умыться ледяной водой и три раза досчитать до ста, чтобы утихомирить пульс, оглушительно бьющийся в ушах.

Разумом я понимаю, что все это может быть просто невероятным совпадением, но сердце...

Оно как будто получило порцию надежды и никак не хочет успокаиваться.

Идем с Машей к Зауру, а я сжимаю ее ручку так крепко, что девочка аж немного морщит носик.

— Теть, я не убегу, ты не переживай, — успокаивает меня голубоглазая малышка.

Ослабляю хватку, но через пару минут снова произвольно стискиваю маленькие пальчики.

Запрещаю своим мыслям ползти в сторону, что “если вдруг Маша...”

Призываю на помощь всю рациональную часть мозга, хоть это тоже неприятно. Ведь Рома мог запросто заделать ребенка и другой женщине. Да, мы встречались, но где гарантия, что он не сходил налево?

Вспоминая нас с Ромой, мне слабо верится в эту версию, ведь мы практически не расставались ни на секунду.

В свободное от его работы и моей учебы время...

А что или кто был с ним на работе? Может, симпатична секретарша...

Слава богу, мы доходим до отделения полиции, и я не успеваю раздуть свои предположения до размеров слона.

— Привет, Марийка! Кого это ты с утра пораньше нашла? – удивляется Заур. Он сдвигает полицейскую фуражку на затылок и чешет лоб – это крайняя степень его удивления.

Парень он неплохой, только жениться не спешит, чем приводит в негодование старшую часть женского населения предгорного поселка. У многих семей молодые девушки на выданье, и почти все мечтают видеть в зятях местного участкового. Но Заур живет работой и отмахивается от сватов.

Правда Саният мне как-то проговорила, что Заур давно влюблен в одну девушку, но любовь его безответна, потому что девушку ту выдали замуж в город. Потому он и работает 24/7, заглушает мысли и сердце.

— Доброе утро, Заур. К нам в поселок маленькая гостья забрела. Хочу связаться с ее отцом, можешь найти телефон по имени-отчеству?

Маша на этих словах прячется за меня.

Заур еще больше таращит темные глаза.

— Девочка, шесть лет, светлые волосы, джинсовая куртка и розовые штаны? – уточняет он.

— Да, – теперь моя очередь удивляться.

— Так в розыск подали ее вчера, ночью ориентировка

пришла. Маша Чернова? – Заур смотрит за меня.

— Мария Чернова Романовна, – подает голос девочка и с опаской зыркает на мужчину в форме. – А что такое ориен-ти-ровка?

— Телеграмма специальная для полицейских с особыми приметами пропавшего человека, – объясняет Заур, присев перед девочкой на корточки.

— Ааа! Это типа как фотография пропавшего котенка, которые развешивают на остановках? – лицо девочки озаряется пониманием.

— Типа того, – улыбается мужчина. – Как ты здесь очутилась? Пропала-то ты в двадцати километров отсюда.

— На маршрутку села. За бабулечкой спряталась, никто и не заметил. А на конечной остановке вышла.

— Вот как ты возле пекарни оказалась! Она ж как раз на остановке, – киваю я.

— Так, Мария Романовна, телефон отца своего знаешь? – спрашивает Заур, и в его голосе нет ни капли угрозы.

— Не-а, там много циферок, я не запомнила, – вздыхает Маша. — Только Юльке не звоните, не хочу, чтобы она меня забирала. Буду папу ждать. С тетей Марийкой!

— Юльке не будем, если она тебе не родитель и не опекун, – Заур поднимается и возвращается к допотопному компьютеру на своем столе. — Так, заявитель – Чернов Роман Викторович... Прописка... Номер телефона... Есть! Сейчас сообщим твоему папе, что ты жива и здорова.

Пока Заур бормочет все это и тыкает на кнопки телефона, я несколько раз подавляю порыв спросить адрес прописки отца девочки. Или дату рождения. Ведь тогда я точно буду знать, это мой Рома или нет...

— Не доступен абонент, – немного разочарованно сообщает Заур. — Или в зоне глухой, или вообще номер другой. Сейчас в районное отделение передам информацию. А оттуда точно отца твоего найдут, – он подмигивает Маше, а та лишь хмурит бровки.

— Теть, можно я с тобой побуду, пока папу ищут? – девочка дергает меня за юбку и тихонечко просит.

— Конечно, Машунь. Передам тебя только твоему папе из рук в руки, – обещаю ей.

— Чотчаев на связи. Девочка по ориентировке у нас в поселке. Есть, принял! – рапортует Заур и кладет трубку. — Папа твой уже едет. Так что все хорошо!

На лице Маши пробегает странное выражение, как будто она не очень-то и рада новости. А у меня так и вовсе все внутри обмирает.

Страшно, что это окажется мой Рома. Но еще страшнее, если не мой...

— Заур, мы в пекарне будем, – выдавливаю из себя и беру Машу за ручку.

— Хорошо, Марийка. Оставь мне, пожалуйста, пару хычинов с сыром, буду вечером идти домой, заберу.

— Договорились.

Снова крепко сжимаю маленькие пальчики. За меньше, чем сутки, я прикипела к этой девочке с голубыми глазами и моим именем так, что отдирать придется только с мясом.

— Теть, тебе плохо? – спрашивает Маша, когда мы доходим до пекарни, и я без сил опускаюсь на лавку возле стены.

— Все хорошо, Машенька. Просто... – на секунду замолкаю, подбирая слова. — Просто буду скучать по тебе...

— Я тоже! – девочка бросается мне на шею и крепко обнимает. — Ты хорошая, теть! Как моя мамочка...

Шмыгаем мы с ней одновременно. Чувствую, как кожу на шее обжигают маленькие детские слезинки.

— Не плачь, Машунь, – прижимаю к себе маленькое тельце.

— И ты не плачь, теть, — Маша стирает пальчиком слезы с моего лица.

— Не буду, – обещаю я.

Мы сидим еще немного на лавочке, прижавшись друг к другу плечами. А когда собираемся войти в пекарню, из-за поворота раздается грозный шум мотора и выныривает черный джип, который несется к нам, поднимая за собою дорожную пыль.

— Это папа, – вздыхает Маша, обреченно глядя на машину, из которой выходит высокий темноволосый мужчина и быстрым шагом идет к нам.

— Маша! – кричит он голосом, от которого я падаю в обморок...

Глава 5

Странные игры играют с нами сновидения, погружая нас в мир давно забытых запахов, звуков и ощущений. Я не помню, как назывался одеколон, которым пользовался Рома, но горькие нотки полыни того парфюма щекочат нос прямо сейчас. А тело ощущает его горячие сильные руки, как будто он прямо сейчас меня кружит на руках, как когда-то...

Прихожу в себя от тревожного ощущения и понимаю, что лежу на лавке. Затылок гудит, во рту привкус железа — кажется, я прикусила язык, когда падала. Надо мной склонилась Айшат с мокрым полотенцем, а за ее спиной стоит Маша с круглыми от ужаса глазами.

— Очнулась, слава Аллаху! Марийка, ты меня до инфаркта доведешь! — причитает Айшат, прикладывая полотенце к моему лбу.

— Я в порядке, — вру привычно и пытаюсь сесть.

А глаза цепляются за высокого мужчину, в котором я знаю наизусть каждую черточку. Те же темные коротко стриженные волосы, те же широкие плечи, та же линия челюсти. Только выражение лица другое.

На несколько секунд наши взгляды залипают друг на друга. Рома тоже меня узнал, но шок в его глазах быстро проходит, как и крошечный огонек радости и облегчения. Или

мне это показалось?

Айшат что-то говорит, но я ничего не слышу. Только стук крови в ушах и страшный, невозможный вопрос, который распирает грудную клетку изнутри.

Маша – моя дочь? Что произошло тогда?

— Папа, это тетя, которая меня кормила! Она хорошая! – Маша подбегает к нему и тянет за руку в мою сторону. Рома отвлекается на дочку, и когда смотрит снова, в его глазах уже ничего нет. Ни шока, ни боли, ни радости. Пустота, прикрытая вежливостью.

— Спасибо, что присмотрела за ребенком, – говорит он ровным, чужим голосом. Меня от этого голоса обдаёт таким холодом, что тело покрывается мурашками от шеи до щиколоток. Шесть лет назад этот голос шептал мне на ухо, что любит. Что мы назовем дочку Машей...

— Рома... – выдавливаю я.

— Маша, садись в машину, – он открывает заднюю дверь джипа и кивком показывает дочери.

— Не хочу! – Маша упирается ногами в землю. — Не хочу к Юльке! Она опять будет орать!

— Маша, я сказал — в машину, – его голос становится жестче, и я вижу, как девочка вздрагивает. Она привыкла к этому тону. Привыкла слушаться. Но на ее лице — та обида, которую дети не умеют прятать: губы дрожат, подбородок морщится, а глаза наполняются слезами, которые она изо всех сил не дает пролить. В груди у меня поднимается волна

злости. Так нельзя с ребенком. Так нельзя с ЭТИМ ребенком.

— Подожди, — я встаю с лавки, хоть ноги и подгибаются.

— Маша может побыть у меня, если тебе сейчас... некогда.

— Не нужно, — обрывает он, даже не повернувшись. —

Маша, я жду.

— Пап, ну пожалуйста! — девочка хватает его за руку обеими ладошками. — Тут хорошо, тут хычины и речка, и тетя добрая...

— Хватит, — Рома аккуратно, но твердо снимает ее руки со своей и подсаживает в машину. — Пристегнись.

— Рома, — я делаю шаг к нему и тут же вижу, как он отступает. Совсем чуть-чуть, на полшага, но того хватает, чтобы между нами выросла стена. — Мне нужно с тобой поговорить.

— Не о чем разговаривать, — он произносит это тихо, почти шепотом, но каждое слово попадает точно в солнечное сплетение. — Нам пора.

Дверь захлопывается. Мотор рычит. Черный джип разворачивается, обдавая меня облаком рыжей пыли. И в заднем стекле я вижу Машино лицо — маленький бледный овал, прижатый к стеклу. Она смотрит на меня, пока машина не скрывается за поворотом.

Стою посреди дороги и не могу пошевелиться. Пыль оседает на губах, на ресницах, на мокрых щеках.

— Марийка! — Айшат трясет меня за плечо. — Кто это

был? Что с тобой?

— Ничего, все нормально, – говорю я и захожу в пекарню. Беру тяжелый поднос с выпечкой, чтобы разложить в витрине. Но руки трясутся так, что я роняю его. Собираю с пола лепешки, а потом просто сажусь на корточки в углу и обхватываю колени руками.

Рома жив.

Его дочке шесть лет.

А мне сказали в больнице, когда я пришла в себя, что ни ребенок, ни Рома не выжили. Сказали, что тела погибших забрали родители мужчины. А когда я выписалась из больницы и поехала к ним домой, было слишком поздно. Дом был закрыт, а охрана сообщила, что семья Черновых переехала за границу.

Мысли несутся табуном обезумевших лошадей, и я не могу ухватить ни одну за гриву.

Если Маша – моя дочь, то почему в больнице мне сказали, что она мертва? Если Маша – не моя, то кто ее мать? Почему Рома не искал меня? Или искал? Почему он смотрел на меня так, будто я – призрак, которого он ненавидит?

Остаток дня я провожу в тумане. Руки делают привычную работу: заворачивают лепешки, отсчитывают сдачу, протирают прилавок. А голова взрывается от вопросов, на которые нет ответов. Вечером бреду домой и не помню дорогу. Санит ставит передо мной тарелку с ужином, я ковыряю еду вилкой и откладываю.

— Вижу, что плохо тебе. Говорить будешь? – спрашивает она.

— Не сегодня, ана.

Саният качает головой и уходит к себе, бормоча что-то, в чем я различаю только слово "шайтан".

Лежу в темноте с открытыми глазами и смотрю на пустое кресло-кровать, где вчера спала Маша. "Спокойной ночи, мамочка. Надеюсь, тебе сегодня было весело на облачке..."

Переворачиваюсь лицом в подушку и даю себе разрыдаться. Беззвучно, чтобы не разбудить Саният, но так, что всё тело содрогается, а наволочка промокает насквозь.

А через пару часов на мобильнике звонит незнакомый номер. Сердце подскакивает к горлу еще до того, как я подношу трубку к уху.

— Выйди на улицу, – велит хриплый голос Ромы.

Глава 6

Не помню, как накидываю вязаную кофту поверх пижамы, не помню, как выхожу из дома. В голове набатом отбивает мысль, что что-то случилось.

Рома стоит, опершись на капот своего джипа. Он в темной куртке и на фоне черной машины практически не виден, но я каждой клеточкой ощущаю его присутствие. И его холодность...

— Что случилось?

— Это я у тебя хотел спросить, – в голосе Ромы звучит упрек. Но мне сейчас некогда думать об этом.

— Маша ... она – наша дочь? – срывается самый главный вопрос, терзающий меня последние несколько часов.

— Да, – отвечает он, помедлив пару секунд.

В груди лопается колючий шар, разливая вниз по телу кипяток.

Моя доченька жива! Машенька - моя дочка! Моя кровиночка! Частичка! Ангел, которого я считала навсегда потерянным.

По моим щекам начинают катиться слезы, не в силах устоять на ногах, я падаю на колени.

Боже, спасибо! Спасибо, тебе! Спасибо!

В своей безумной радости я не обращаю внимания, что

Рома тоже опускается на землю рядом со мной. Прихожу в себя только от прикосновения тяжелой руки к моему плечу. Рома обнимает меня и притягивает к себе, пока меня бьет то ли озноб, то ли истерика.

Он молчит, а я утыкаюсь носом в его шею, вдыхаю знакомый запах и плачу еще сильнее.

— Слава богу, ты живой...

На этих словах его тело напрягается, превращаясь в натянутую струну. Он ждет, пока я немного успокоюсь, а потом встает и помогает мне подняться.

— Садись в машину, проедемся, – велит он, открывая переднюю дверь и буквально усаживая меня, как ребенка, и пристегивая ремнем.

Усевшись за руль, Рома включает зажигание и отъезжает от дома Санянт.

В груди загорается надежда, что Рома отвезет меня к Машеньке. Но, выехав из поселка, машина направляется в противоположную сторону от туристического центра.

Разглядываю Рому сбоку в мелькающих фарах встречных машин и свете редких фонарей. Между бровей залегла глубокая складка, а от глаз тянутся морщинки. Губы сжаты, как будто он решает какую-то сложную задачу.

Он очень изменился за эти годы. Раньше Рома с меня глаз не сводил, а теперь как будто ему противно лишний раз посмотреть. А еще я каждой клеточкой ощущаю от него холод.

Дорожное освещение окончательно пропадает, а дорога

становится более узкой. Все поселки остаются позади, а Рома все едет.

Насколько я знаю, в той стороне, куда мы направляемся, ничего нет, кроме ущелья.

Внезапный страх начинает пробираться под кожу. Что Рома задумал? Куда он меня везет?

Хочет избавиться?

Я ведь не знаю, кем он стал за эти годы. И я до сих пор не знаю точно, что произошло шесть лет назад...

Еще сутки назад я бы обрадовалась, даже если бы села к маньку. Но сейчас все по-другому. Моя дочка жива. И ей так плохо, что она сбежала. Если со мной что-то случится, что ждет мою девочку?

Строгий отец и бездушная стерва-мачеха?

Боль острой тонкой иглой пронизывает грудь от легкого до сердца. Нет, я должна выжить любой ценой.

— Куда мы едем? — спрашиваю Рому, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Но он не отвечает, лишь хмурится и резко сворачивает с дороги в темноту леса.

Руки мгновенно становятся холодными. Через несколько минут по ухабам машина останавливается. Двигатель глохнет. Тишина обрушивается так, что слышно, как у меня в висках бьется кровь. здесь подписка

— Ты хочешь меня убить?... — слетает с моих губ.

— Господи, нет! — рычит Рома и бьет по рулю. — С чего

ты взяла? Просто хотел поговорить.

— Почему ты забрал дочку и оставил меня в больнице? Куда ты исчез? — не могу не спросить, потому что разглядывая мужчину, которого я любила, в груди начинает разгораться огонь ярости и непонимания.

— Я думал, что ты умерла. Вернее, мне так сказали, — его пальцы остервенело сжимают руль.

— И ты решил даже не хоронить меня? Просто оставил, как ненужную вещь? — с моих губ слетает горькая усмешка.

— Когда я... пришел в себя, было уже поздно. Твое тело кремировали и отправили матери по ее запросу.

— Моя мама умерла в тот день, когда ей сообщили об аварии...

На глаза снова наворачиваются слезы. Еще одна моя боль... Я не успела попрощаться с мамой, проводить ее в последний путь.

Когда я приехала в поселок, где она ухаживала за родственницей Саният, маму уже почти два месяца как похоронили. А я осталась жить там, потому что больше у меня никого не осталось.

— Я не знал. Мои соболезнования, — Рома еще сильнее хмурится, а губы вообще в тонкую нитку превращаются.

— Расскажи мне, что тогда произошло, — прошу я. — Последнее, что я помню, это то, что мы с тобой ехали от твоих родителей...

— В нас врезался грузовик с гравием. Водитель не покрыл

груз защитной сеткой. Он сбежал с места аварии. Почти весь удар пришелся на твою сторону, потому что нас прибило к отбойнику, который не выдержал удара. У нас всех не было шансов выжить... — Рома снова бьет по рулю, но тут же берет себя в руки, пытаюсь выровнять дыхание.

— Значит, это чудо, что мы все живые... — в шоке произношу я, пока в памяти мелькают обрывки из прошлого. Я помню, что про себя повторяла молитву “Отче наш”, пока свет в моих глазах не превратился в темноту.

— Водителя потом нашли. В лесу, с огнестрельным ранением, несовместимым с жизнью.

— Это ты его?.. — не могу произнести вслух страшную догадку.

— Нет, — Рома снова сжимает руль так, как будто это шея виновника. — К сожалению...

На пару минут между нами виснет тяжелое молчание.

— Маш, я не знаю, как нам теперь быть со всем этим, — Рома опять не смотрит на меня.

— Маша будет жить со мной, — отрезаю я, прожигая его взглядом. — Все равно тебе некогда ей заниматься, как я поняла.

— Где? В твоей халупе в жопе мира? — зло усмехается он. — Как ты вообще там оказалась?

— Мне больше некуда было идти. И незачем, — я пожимаю плечами. — Могилка мамы в поселке, а больше у меня никого нет. Вернее, до сегодняшнего дня не было. Дочку я заберу,

это не обсуждается.

— Нет, Маша. Она еще слишком мала, чтобы получить шок от известия, что ее мама не на небесах. Нужно ее подготовить. И к тому же я не уверен, что ты в состоянии позаботиться о ребенке. Ты сама на ладан дышишь, в обмороки падаешь.

— О дочери я позаботиться смогу! Даже не сомневайся! И сплавлять ее на чужих людей, которым плевать на ребенка, уж точно не стану! – в груди клокочет злость, в этот момент я ненавижу Рому.

— Не тебе меня упрекать, Маша! – он поворачивается ко мне, впиваясь голубыми глазами, в которых бушует холодный огонь. – Как я решу, так и будет!

Рома снова заводит мотор, выезжает на трассу и едет обратно в поселок. Мы оба молчим. Я не могу совладать с эмоциями, которых слишком много навалилось в один момент.

Умираю от желания увидеть дочку, обнять ее, рассказать, что я - ее мама. Но в то же время Рома прав, нужно подготовить Машу.

И еще я не могу понять его отношения ко мне, в котором холодность граничит с неприкрытой ненавистью.

За что он меня ненавидит? За то, что я своим появлением могу помешать его размеренной жизни? Или он боится, что я влезу в его отношения с невестой?

Только я не собираюсь никуда влезать и кому-то мешать.

Единственное, чего я хочу, это быть со своей дочкой.

Глава 7

— Я хочу увидеть Машу, – объявляю Роме, когда он глушит мотор у забора.

— Я сообщу тебе, когда это будет возможно, – он бросает на меня странный взгляд.

— Что не так? Почему ты на меня волком смотришь? — взрываюсь я. – Жалеешь, что я не умерла?

— Что ты несешь? Не говори так! – он хватается меня за руку так сильно, что мне больно. — Не смей никогда говорить это снова!

Я не могу расшифровать его взгляд. И понять поведение мужчины, которого я любила и оплакивала шесть лет, тоже не получается. Он такой родной, но в то же время совершенно незнакомый. Это раньше я всегда чувствовала его состояние и угадывала мысли, а сейчас... Сейчас я не знаю, чего от него ждать.

Слезы снова подкатывают к горлу. Боже, как же я устала плакать!

— Отпусти. Мне больно, – хриплю я и вырываю руку, как только хватка мужчины ослабевает.

— Я завтра поеду к Маше, – объявляю Роме, хлопая дверью.

Он что-то говорит, но я не хочу слушать. Крадусь в дом,

стараясь не разбудить Саният. Падаю на кровать, не раздеваясь, и снова изучаю потолок. Уснуть я точно не смогу.

Но и мыслить разумно или составить какой-то план у меня не получается. Каждый раз, когда я вспоминаю личико Маши, под ребрами колет, а на глаза наворачиваются слезы.

Я потеряла шесть лет, больше ни одной секунды не хочу проводить вдали от моей доченьки.

Не понимаю, почему Рома так не хочет, чтобы я была с дочкой? Он ревнует? Боится, что Машенька забудет его?

Но ведь он постоянно на работе и не занимается ребенком! Да и с Машей он был не ласковым отцом.

Завтра узнаю у Заура, в какой именно гостинице они остановились, и поеду туда. Мне все равно, что хочет или не хочет Рома, я больше не буду ждать!

Забываюсь тревожным сном ближе к утру, а с рассветом по привычке просыпаюсь, полная решимости.

— Не нравится мне этот чужак, — объявляет Саният, когда я захожу на кухню. — Хороший человек не приезжает среди ночи.

— Машенька — моя дочка, ана, — изо всех сил сдерживаюсь, чтоб не разреветься. — А он — мой жених, которого я считала мертвым.

— Аллахым! Бичара кыз! — Саният подходит ко мне и прижимает мою голову к своей груди. — Как же так?

— Сама не знаю, как так все вышло. Он думал, что я умерла. А я все эти годы их оплакивала, ана, сама знаешь, — все-

таки слезы катятся по щекам.

Женщина, ставшая мне родной, гладит меня по волосам, что-то причитая по-карачаевски.

— Уедешь теперь, – то ли спрашивает, то утверждает Саният, отходя от меня. Она разжигает огонь на печке и ставит чайник.

— Не знаю, ана. Наверное...

— Значит, так, – Саният ставит передо мной чашку с чаем и садится напротив. В её глазах озабоченность, а морщины как будто стали глубже за ночь. – Пока не разберешься, никуда не уезжай. Горячая голова – плохой советчик. Поняла?

— Поняла, – киваю, обхватывая горячую чашку обеими ладонями. Тепло керамики немного возвращает меня в реальность.

— И к ребёнку не ломись, как ослица. Напугаешь. Она тебя тётей знает, а не мамой, – Саният говорит грубовато, но я знаю, что это не грубость, а любовь. Она права, и я это понимаю. Но как заставить сердце слушать разум?..

Допиваю чай, целую Саният в щёку и выхожу из дома. Заур на месте, хоть ещё только семь утра.

— Марийка? Ты чего так рано?

— Заур, девочка, которая была у меня. Ты знаешь, в какой гостинице она жила?

— Зачем тебе? – участковый смотрит на меня с подозрением.

— Заур, пожалуйста, – прошу я, и что-то в моём голосе

заставляет его не задавать больше вопросов.

— "Горный воздух", возле канатки ...

— Знаю! Спасибо!

Бегу к пекарне, где находится остановка. Маршрутка как раз в восемь утра пойдёт в сторону туристического центра.

Час ожидания тянется как резина. Успеваю помыть полы в пекарне и вытереть витрины. Прощаюсь с Айшат и сажусь в маршрутку. Старая пассажирская газель трясётся по горной дороге, а я смотрю в окно и не вижу ничего — ни гор, ни деревьев, ни туристов с рюкзаками. Перед глазами стоит только Машино лицо, прижатое к заднему стеклу.

Гостиница "Горный воздух" — большой деревянный комплекс с террасой и видом на ущелье. На парковке стоит чёрный джип, но я не уверена, что это машина Ромы, я не додумалась записать номера.

Подхожу на ресепшен.

— Здравствуйте. В каком номер остановился Роман Викторович Чернов?

— А вы кто? — девушка в форменной жилетке оценивающе разглядывает мою вязаную кофту и стоптанные кроссовки.

— Родственница.

— Минутку, — она набирает номер, говорит что-то тихо, а потом кладёт трубку. — Подождите здесь. К вам выйдут.

Жду в холле, стоя у панорамного окна. Горы отсюда выглядят как открытка — красивые и ненастоящие. Ужасно

неуютно чувствую себя здесь. Нервно тереблю пуговицы на кофте, пока не слышу шаги.

Рома спускается по лестнице и сразу замечает меня. Невольно забываю дышать, наблюдая за его уверенной тяжелой походкой и широкими плечами. Я почти забыла, как он красив.

Прихожу в себя, когда Рома останавливается рядом, а тишину холла вдруг нарушают быстрый стук каблуков.

— Ромочка! Ты забыл принять таблетки! – в холле появляется высокая молодая женщина. Белое платье облегает ее стройную фигуру, подчеркивая все достоинства. Светлые волосы уложены в идеальные локоны. Девушка бросает на меня пренебрежительный взгляд, поджигает губы и берет Рому под локоть, прижимаясь в нему всем телом. Жест настолько откровенно собственнический, что не нуждается в переводе: мой мужчина, отвали.

Наверное, меня должно это задеть. Но прямо сейчас мне плевать на то, с кем встречается отец моего ребенка. Мне нужна дочь.

— Юля, поднимись в номер, – Рома скидывает её руку со своего локтя.

— Ром, кто это вообще?.. – начинает было блондинка.

— Ты меня слышала, – говорит он тоном, не допускающим возражений. Юля бросает на меня ещё один уничижительный взгляд и уходит, цокая каблуками.

— Пойдём, – Рома кивает в сторону террасы, где распо-

ложено небольшое кафе.

Садимся за столик в углу. Рома заказывает два кофе, не спрашивая, буду ли я. Я и не стала бы. В горле такой спазм, что даже вдохнуть тяжело.

— Зря ты приехала, – говорит он, не глядя на меня. — Маша ещё не готова.

— Ром, я шесть лет мечтала умереть, потому что считала своего ребёнка мёртвым! – вырывается у меня.

— Маше не нужен стресс!

— А не стрессом было для нее то, что отец сплавил ее на курорт с женщиной, которой наплевать на девочку? Которая сбегивает её в детский клуб и торчит в спа?! – горький смешок обжигает губы. — Она потеряла мою дочь и даже не заметила, что шестилетний ребёнок сбежал из отеля!

Рома молчит. Желваки на его скулах ходят ходуном.

— Давай я заберу Машу, – мой голос дрожит, но я не остаиваюсь. — Она не будет мешать твоей новой семье. Юля тебе нового ребёнка родит, а Машенька будет со мной.

Рома поднимает на меня глаза, и я вижу, как в них что-то меняется. Будто задела нерв, о существовании которого он сам не подозревал. Лицо каменеет, а губы белеют.

— Я сам решу, что, когда и как мне делать, – цедит он, чеканя каждое слово. — Не лезь туда, где тебя не просят. А сейчас тебе пора. Я тебе сообщу, когда ты сможешь увидеть Машу.

Рома встает из-за стола и отходит.

Я не узнаю его. Это не мой Рома. Это - просто бездушный черствый сухарь! Как будто у него сердце забрали! И самое страшное, я против него бессильна!

— Ахмед, подъезжай к "Горному воздуху". Нужно отвезти человека в соседний посёлок, — доносятся до меня слова Чернова.

— Рома... — пытаюсь было я достучаться, но он обрывает взмахом руки.

— Я все сказал.

В ту же секунду подъезжает серебристая машина. Водитель открывает мне дверь. Рома стоит на террасе и смотрит, как я сажусь.

Весь день я сама не своя. До самого вечера жду, неизвестно чего.

Потом полночи лежу с открытыми глазами.

А в два часа ночи звонит телефон.

— Маша, выходи!..

Глава 8

Роман

Убедившись, что Маша уехала, задерживаюсь на террасе. Не хочу возвращаться в номер, где Юля начнет донимать своей болтовней. Да и на вопросы шестилетней девочки о доброй тете Марийке отвечать не хочется. Вернее, я не знаю, что на них отвечать.

Вообще, за последние двадцать четыре часа в моей жизни до хрена всего произошло.

Юля реально накосячила, потеряв Машу. Но в ее характере рвать и метать и выставять других виноватыми в произошедшем. Честно говоря, я жутко устал от ее манипуляций.

А может, просто загнал себя с новым проектом, да и вообще по жизни?...

Я ведь почти смирился с жизнью без моей Маши. И почти простил ее...

Отношения с Юлей шли в логичному развитию в виде свадьбы. Образованная, красивая, светская – она идеальная спутница жизни для такого помешанного на работе бизнесмена, как я.

Да, к ней я никогда не испытывал тех чувств, которые у меня были к Маше. Но ведь крепкий брак можно построить и без сумасшедшей любви.

Не даю себе уйти мыслями в ненужную сторону и возвращаюсь в номер.

— Ромочка, твои таблетки здесь, — мило улыбается Юля. Она уже успела переодеться, и теперь на ней вместо платья, кружевной халатик.

— Где Маша? — хмурюсь и закидываю в рот таблетки.

— Я отправила ее с няней в ресторан на завтрак. А тебе давай сделаю массаж, — она игриво проводит своими коготками по моей щеке и тянет в спальню.

— Я не в настроении, — сажусь в кресло и закидываю ноги на пуфик. Из головы не выходит бледное исхудавшее лицо Маши. У нее такая кожа тонкая, что все венки видно. Моя Маша...

— Ты такой напряженный, котик, давай, я помогу тебе расслабиться...

— Юль, я устал.

Но невеста не унимается и продолжает соблазнительно гладить меня, только сегодня я никак не реагирую на это.

— Ты совсем не хочешь, да? — Юля отодвигается от меня, поняв, что дел не будет.

— Я же сказал.

Она фыркает и уходит в ванную.

Закрываю глаза и пытаюсь отключить голову. Не получается. Память упрямо тащит в прошлое. В тот день, когда я еще был в сознании, и врач похлопал меня по плечу со словами : “Держись, парень, тебе еще дочку растить” .

Услышав это, я как будто разрешил себе чуть расслабиться и отключиться. Если ребенка спасли, значит, и Маша жива.

Когда я пришел в себя в следующий раз, то захотел тут же отправиться в преисподнюю.

— Ваша невеста не выжила, — ответил врач на мой вопрос.

Жизнь померкла. Я все равно, что умер. Лежал на растяжках, обездвиженный, и с ума сходил от понимания, что больше никогда не утону в голубых глазах Маши. Никогда не услышу ее звонкий залиvistый смех. Никогда не сожму ее в объятиях и не покружу на руках.

Никогда... Самое ненавистное слово.

— Я хочу увидеть дочку, — попросил я тогда.

— Ромочка, ну зачем тебе этот ребенок? Девочка не передаст нашу фамилию, не будет продолжательницей рода! — с мягкой настойчивостью говорила мать.

— Что ты несешь, мам? Это моя дочь!

— Ромочка, ты просто не все знаешь о своей девушке! — воскликнула тогда женщина, родившая меня, прижимая к глазам белоснежный носовой платок с золотой вышивкой “Черновы”.

— Я знаю, что я любил ее, мам.

Когда принесли малышку, я чуть не заорал. От безграничного счастья, что у меня осталась часть любимой женщины, ее продолжение, плод нашей любви, и от чудовищной боли, которая разрывала меня на части. Маши больше нет...

— Я назову ее Машей.

— Ну что за глупость! Ты в своем уме, сын?! Маша - имя для крестьян и прочего быдла!

— Так звали женщину, которую я любил. И люблю до сих пор...

— Давай не будем спешить, – мать нервно теребила платок. – Поправишься, придешь в себя, тогда и решим, что делать с ребенком. Можно ведь оставить ее здесь...

— Я заберу дочку! Вызови сюда работника из ЗАГСа, пусть оформляет документы, – отрезал я. — И распорядись, чтобы Машу... похоронили на нашем кладбище... – эти слова дались мне очень сложно. Наверное, легче было бы выпить раскаленное железо: не так больно бы было...

— Ее тело уже забрали. Ромочка, ты почти месяц без сознания был, – мать дотронулась до моего лба ледяной рукой, и я мотнул головой, чтобы сбросить ее, но в шее что-то хрустнуло, и в глазах потемнело от чудовищной боли.

Я не помню, как меня перевезли в столичную больницу. Начал более-менее соображать только через неделю или около того.

— Ромыч, кампания под контролем, – успокоил Жека – мой старший брат.

— Да мне плевать, Жек... Пусть горит все синим пламенем...

— Эт ты, братец, зря. Как ты нищий будешь Машуню замуж выдавать? Без приданого что ли? – хохотнул брат. И сам

не зная того, дал мне стимул жить.

Машеньку приносили ко мне каждый день. Маленькое голубоглазое создание было копией своей матери. Когда я первый раз взял ее на руки, думал, сердце остановится от избытка чувств.

На окончательную реабилитацию по настоятельным рекомендациям врачей мы с мамой и дочкой уехали почти на год в Турцию. Морской воздух в сочетании с хвойным лесом был полезен всем нам.

В один день, когда Машуня была у меня на руках и агукала, серьезно изучая мою отросшую бороду, мать положила передо мной конверт.

— Что это?

— Открой, Ром, и прочти. Я ведь тебе говорила, что ты не все знаешь о своей девке подзаборной.

— Не смей ее так называть.

— А ты прочти документ, сынок, и потом повтори, — Стелла Юрьевна Чернова поджала свои тонкие губы и разгладила несуществующую складку на юбке.

Мне бы порвать тот конверт с содержимым на мелкие клочки да пустить по ветру, но я послушным бараном открыл и прочел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.